

Научная статья

УДК 347; 347.65/.68.

DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.51.71

Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства

Алексей Александрович Волос

Саратовская государственная юридическая академия, Россия 410056, Саратов,
Вольская ул., 1. volosalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5951-1479>

Аннотация

Статья посвящена ключевым вопросам, возникающим при включении цифровых объектов в наследственную массу. Рассматривается, как «классическая» теория наследственного права может быть использована для разрешения указанной проблемы и какие уточнения должны быть в этой теории сделаны. Целью исследования является рассмотрение особенностей категории «объекты наследственного правопреемства» и ее трансформации в связи с происходящими в настоящее время процессами цифровизации общества. Для достижения данной цели автор в первой части работы рассматривает общие вопросы теории объектов наследственного правопреемства. Во второй части статьи анализируются проблемы отнесения некоторых объектов гражданских правоотношений, возникших в процессе цифровизации общества, к наследственной массе (цифровые права, криптовалюты, аккаунты в социальных сетях). В третьей части статьи, используя индуктивные рассуждения, исследователь формулирует общие концептуальные проблемы развития законодательства, связанные с «цифровыми» объектами наследственного правопреемства. Сделан вывод, что возможны следующие законодательные решения выявленных проблем: установление полного запрета на наследование «цифровых» активов; создание отдельного правового регулирования наследственных отношений специально под цифровые активы; допущение факта включения в наследственную массу цифрового объекта только при условии его введения в оборот; допущение некоторых особенностей наследования «цифровых объектов». Несомненно, выбор подхода зависит от государственной политики в сфере цифровой экономики, которая, в свою очередь, должна исходить из научно обоснованных концепций и реальных предложений. Позиция автора заключается в том, что правовое регулирование «цифровых» наследственных отношений в России может быть основано на смешанном методе, включающим совокупность традиционных и технологических методов деятельности. Такой метод наиболее коррелирует с допущением включения в наследственную массу «цифрового объекта» только при условии его реального введения в оборот.

Ключевые слова

цифровое право; цифровые права; криптовалюта; социальные сети; наследование; объекты наследственного правопреемства; наследственная масса; завещание.

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых–кандидатов наук в рамках научного проекта МК-165.2021.2 «Цифровые челленджи современного наследственного права».

Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Волос А.А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 51–71. DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.51.71.

Research article

Digitalization of Society and Objects of Hereditary Succession

Aleksei A. Volos

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya Str., Saratov 410056, Russian Federation, volosalexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5951-1479>.

Abstract

The article is devoted to the key issues that arise when digital objects are included in the heritage. The author consider how the classical theory of inheritance law can be used in the case of digital inheritance and what clarifications should be made to this theory. The purpose of the research is to examine the features of the category “objects of hereditary succession” and its transformation in the case of the digital transformation in society. In order to achieve this purpose the author in the first part of the research studies the general issues of the theory of objects of inheritance. The second part of the article it is analyzed the problems of attributing some objects of civil legal relations that have arisen in the process of digitalization of society to the hereditary mass (digital rights, cryptocurrency, social nets accounts). Finally, in the third part, using inductive reasoning, the researcher formulates general conceptual problems of the development of legislation related to digital objects of inheritance. Based on the results of the research, it was concluded that the following legislative solutions to the identified problems are possible: the establishment of a complete ban on inheritance of digital assets; the creation of a separate legal regulation of inheritance relations specifically for digital assets; the assumption of the fact of inclusion in the hereditary mass of a digital object only if it is really possible to put it into circulation; the assumption of some features of inheritance of “digital objects”. Undoubtedly, the choice of approach strongly depends on the state’s policy in the field of the digital economy, which in turn should proceed from sound concepts and practical proposals. The position of the author of the article is that the legal regulation of “digital” hereditary relations in Russia has be based on a mixed method,

including a combination of traditional and technological methods. Such a method is most correlated with the assumption of the fact of inclusion in the hereditary mass of a digital object only if it is really possible to put it into circulation.

Keywords

digital law; digital rights; cryptocurrency; social nets; inheritance; objects of inheritance; heritage; will.

Acknowledgments: The reported study was carried out under of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists candidates of sciences within of the research project МК-165.2021.2 “Digital Challenges of Modern Inheritance Law”. The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Volos A.A. (2022) Digitalization of Society and Objects of Hereditary Succession. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 3, pp. 51–71 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2022.3.51.71.

Введение

Современные технологии стали главным трендом и символом развития всех сфер общественной жизни. Ученые и практикующие юристы постепенно привыкают к блокчейну, криптовалютам, смарт-контракту, а цифровые технологии стали привычными для договорных, корпоративных, трудовых отношений, не говоря о сфере защиты интеллектуальной собственности, экономические процессы в которой уже не одно десятилетие невозможно понять без изучения влияния Интернета.

Наследственное право традиционно является одной из наиболее консервативных сфер правового регулирования. Воздействие цифровых технологий на наследственное право пока минимально, хотя абсолютно оставаться в стороне от происходящих во всем мире процессов невозможно. Ситуация в настоящий момент несколько упрощается малым количеством кейсов. Однако когда таковые возникают (например, знаменитый спор по поводу доступа наследников к аккаунту умершего в Facebook¹), начинаются жаркие споры. Вместе с тем нередко подобные дискуссии касаются лишь конкретного казуса. Системного концептуального понимания «цифровых» объектов наследственного правопреемства в настоящий момент не имеется.

¹ См., напр.: Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты в Facebook. Available at: URL: <https://pravo.ru/news/204002/?ysclid=l60uelq1x649441363> (дата обращения: 22.09.2021)

Необходимость в этом рано или поздно возникнет, ведь обладатели криптовалют, дорогих аккаунтов в социальных сетях или компьютерных играх, иных цифровых активов постепенно будут становиться наследодателями, а их потенциальные наследники начнут судебные разбирательства. Тогда уже и встанет вопрос — а насколько классическая теория объектов наследственного правопреемства способна разрешить такие споры. Настоящая статья является попыткой внести вклад в разрешение указанной проблемы, предложить авторский взгляд на ситуацию.

Целью исследования таким образом является рассмотрение особенностей категории «объекты наследственного правопреемства» и ее трансформации в связи с происходящими процессами цифровизации общества. В рамках статьи будут рассмотрены общие вопросы теории объектов наследственного правопреемства, а также проблемы отнесения некоторых объектов гражданских правоотношений, возникших в процессе цифровизации общества, к наследственной массе (цифровые права, криптовалюты, аккаунты в социальных сетях). Далее автор формулирует общие концептуальные проблемы развития законодательства, связанные с «цифровыми» объектами наследственного правопреемства. Будет предложен и собственный взгляд на то, как должно развиваться законодательство в рассмотренных сферах.

1. Теория объектов наследственного правопреемства

Цивилистическая теория, по крайней мере до появления «цифровых» объектов, не знала серьезных споров об объектах наследственного правопреемства. Идут дискуссии о возможности перехода по наследству отдельных прав и обязанностей², но не подлежит сомнению принцип, по которому имущественные права включаются в наследственную массу, а неимущественные — нет.

Это традиционное для частного права правило закреплено в ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ): в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. При этом права, неразрывно связанные с личностью, личные неимущественные права и другие нематериальные блага в состав наследства не входят.

На основании толкования указанных норм общепризнано, что имущественные права для вхождения в наследственную массу должны отвечать следующим требованиям. Во-первых, принадлежность возможному насле-

² Например, суды неоднозначно подходили к вопросу о возможности перехода по наследству долга наследодателя, возникшего в результате привлечения его к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным законодательством о несостоятельности (банкротстве). См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 1, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

додателю на момент открытия наследства. Во-вторых, отсутствие связи с личностью потенциального наследодателя. В-третьих, переход по наследству таких прав не запрещен законом.

На практике споры происходили во многом не из-за проблемы определения объектов наследственного правопреемства, а вследствие ненадлежащего оформления наследодателями своих прав. В частности, решался вопрос о наследовании жилых помещений, по котором не была завершена процедура приватизации³, о наследовании самовольных построек⁴ и др. По подобным делам суды нередко принимают различные решения. Такая ситуация подчеркивает не какое-либо неоднозначное толкование правил об объектах наследственного правопреемства, а необходимость совершенствования процедурных аспектов оформления прав на недвижимость.

Есть позиция, согласно которой долги не входят в объект наследственного правопреемства, не являются составной частью наследства. Данный вывод сделан из того, что наследники отвечают по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества. Как писал В.И. Серебровский, «долги являются... только «обременением» наследства, но не его составной частью» [Серебровский В.И., 2003: 60]. Однако если рассматривать наследование как процесс перехода прав и обязанностей, не вполне ясно, чем обременение отличается от элементов составной части наследства. Обременения (например, обременение сервитутом), связанные с имуществом, также переходят по наследству и являются частью обязанностей, входящих в наследственную массу.

За рубежом понятие об объектах наследственного правопреемства в целом аналогично отечественному, за исключением того, что ряд правовых порядков регулируют отношения по поводу не известных российскому закону правовых конструкций. Например, во Франции и Германии не переходит по наследству узуфрукт [Петров Е.Ю., 2015: 22, 23]. Вместе с тем в континентальной системе права общепризнано, что имущественные права и обязанности переходят по наследству, а неимущественные — нет.

Таким образом, теоретическая характеристика объектов наследственного правопреемства пока не стала предметом споров. Однако постоянно создающиеся и активно распространяющиеся «объекты цифрового мира» могут поставить вопрос об актуальности данной концепции.

Во-первых, применительно к ряду «цифровых» объектов трудно разделить имущественную и неимущественную составляющие. Так, аккаунты в соци-

³ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1. 16.02.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1-3.

⁴ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации № 18-КГ20-91-К4 от 19.01.2021. Available at: URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1960006 (дата обращения: 22.09.2021)

альной сети или компьютерных играх, изначально возникшие для удовлетворения потребностей в общении и развлечении, стали объектами крупных сделок. Возможная передача аккаунта по наследству означает автоматическую передачу имущественных прав (что гарантируется наследственным правом) и неимущественных прав (что не допускается наследственным правом).

Во-вторых, встанет проблема надлежащего оформления прав на «цифровые» объекты для целей наследственного правопреемства. Очевидно, что действующее наследственное право не знает соответствующих механизмов для этого.

Тем самым, ввиду развития и совершенствования объектов «цифрового мира» и в целом глобальной цифровизации общества встает вопрос о пересмотре основных подходов к объектам наследственного правопреемства или, по крайней мере, об уточнении концептуальных положений.

2. Объекты гражданских правоотношений, возникшие в процессе цифровизации общества

Развитие технологий, ускорившееся в период пандемии коронавируса, привело к появлению таких объектов, о которых классическая цивилистика не могла и подозревать. Разумеется, гражданское право строится на основании принципа свободы договора и, по идее, субъекты могут включать в оборот любые объекты, кроме тех, которые к обороту прямо запрещены, либо совершать подобные сделки с учетом законодательно установленных ограничений. Однако техническая сторона вопроса стала настолько определяющей, что юристам не всегда удается понять особенности вновь возникающих отношений.

В 2019 году в ГК РФ включена отдельная статья о цифровых правах (ст. 141.1). Также закреплено, что такие права — имущественные (ст. 128), но ситуация в целом не стала более ясной. Во-первых, не оказалось лаконичным законодательно установленное определение цифровых прав. Оно, к сожалению, дано через термины, которые сами требуют уточнения: осуществление цифровых прав, правила информационной системы, распоряжение цифровым правом — все это категории, о которых нет единого понимания ни у теоретиков, ни у практиков. Во-вторых, гражданское законодательство так и не определилось с правовым режимом ряда объектов, отнесение которых к «цифровым правам» по смыслу ст. 141.1 сомнительно, но по поводу которых возникают экономические отношения (криптовалюта, аккаунт социальной сети/ компьютерной игры и др.).

Экономический оборот идет существенно впереди законодательства. Так, развитым стал оборот аккаунтов в социальных сетях и компьютерных играх. Любой желающий может приобрести, скажем, аккаунт игры «World

of Tanks», причем выбор широкий как по цене, так и по качеству («уровню прокачки»)⁵. Получается, что отношения складываются. Другой вопрос, подпадают ли такие отношения под действие права и как именно право должно их регулировать.

Например, некоторые социальные сети включают в соглашение с пользователем пункт, который определяет порядок перехода аккаунта после его смерти. Технически такой подход выглядит обоснованным. Более того, ученые предлагают на основании механизма криптографии создать систему онлайн-завещания, основанную на технологии блокчейна и смарт-контрактов [Chen C.-L. et al., 2021: 1].

Вместе с тем прав Е.Ю. Петров: «Если цифровой актив отвечает экономическим признакам собственности, то принятые пользователем контрактные ограничения наследования могут быть отклонены судом» [Петров Е.Ю., 2018: 67]. Получается любопытная ситуация. С одной стороны, чтобы аккаунт передавался после смерти, необходимо техническое решение (например, указание электронного адреса наследника). С другой, подобный вариант прямо противоречит нормам наследственного права и может вызвать обоснованные возражения нотариусов и наследников, не указанных в самом таком «завещании».

В целом теоретическую проблему можно описать так. Цифровой актив должен быть входить в наследственную массу, так как он соответствует основным необходимым характеристикам объекта наследственного правоотношения (прежде всего по поводу него возникают экономические отношения). Однако, признав это, мы приходим к невозможности реализовать основные принципы и правила наследственного права. Здесь речь и про процедурные моменты, и про защиту прав участников отношений.

Вспомним про смарт-контракт и подумаем, что будет с правами и обязанностями после смерти граждан, которые решили использовать подобное техническое средство. Исследователи пишут, что «может быть решена проблема кажущейся невозможности уступки права (требования) по первоначальному смарт-контракту» [Ефимова Л.Г., Михеева И.В., Чуб Д.В., 2020: 98]. Предлагают даже пути и способы решения этой проблемы, с чем в целом автор настоящих строк соглашается.

Получается, что и правопреемство по наследству возможно в этой ситуации. Однако не совсем понятно, как, в каком порядке и к кому следует обращаться за реализацией таких прав. Допустим, исполнение произошло автоматически (передана криптовалюта), но наследник не может ее получить ввиду отсутствия ключа.

⁵ См.: FunPay — биржа игровых аккаунтов. Available at: URL: <https://funpay.ru/lots/77/> (дата обращения: 25.09.2021)

Или, к примеру, вспомним, что п. 1 ст. 1149 ГК РФ, закрепляющий право на обязательную долю в наследстве, сам по себе направлен на материальное обеспечение тех категорий лиц, которые нуждаются в особой защите в силу возраста или состояния здоровья. Право на обязательную долю в цифровом активе выглядит странным как с точки зрения сущности (чтобы обеспечить особую защиту в силу возраста или нездоровья передам аккаунт в компьютерной игре?), так и с точки зрения процедуры передачи (нужно ведь передать коды и пароли тем гражданам, которые не указаны в завещании). Проблема решается тем, что, видимо, в качестве обязательной доли будет передано иное имущество (не цифровой актив), но тогда нужно будет устанавливать стоимость указанных цифровых активов.

В рамках статьи мы рассмотрим некоторые «цифровые объекты» (цифровые активы) с точки зрения принципов наследованного права и возможности отнесения к наследственной массе (цифровые права, криптовалюты, аккаунты в социальных сетях). Рассмотреть все возможные объекты, возникшие в связи с цифровизацией общества, невозможно хотя бы потому, что среди них регулярно создаются новые⁶. Да и смысла рассматривать все объекты нет. Полагаем, что исследование некоторых из них помогает понять основные тенденции развития законодательства и судебной практики, а также подходы, выработанные деловой практикой, предложить направления совершенствования законодательства.

Под «цифровым активом» («цифровым объектом», «объектом, существующим в цифровой форме») в настоящей статье понимается информационный ресурс, производный от права на ценность и обращающийся в распределенном реестре в виде уникального идентификатора⁷. Этот объект существует в компьютерном коде и вокруг него возникают отношения, прежде всего экономические.

2.1. Цифровые права

Долгожданное появление в законодательстве понятия цифровых прав мало упростило понимание того, как происходит оборот цифровых объектов в целом. Особенно запутали ситуацию странные законодательные

⁶ Так, в середине 2021 года развернулась дискуссия об оборотоспособности эксклюзивных цифровых токенов на изображения всех картин Государственного Эрмитажа. Пока вопрос об их наследовании не стоял, но логично предположить, что раз такие цифровые активы продаются, то, наверное, они должны входить в наследственную массу. О данной дискуссии см., напр.: Иванов А.А. Остановите «Эрмитаж»! Available at: URL: https://vk.com/ivanov.pravo?w=wall-126165392_1917 (дата обращения: 01.10.2021)

⁷ Available at: URL: https://www.banki.ru/wikibank/tsifrovoy_aktiv_/ (дата обращения: 01.10.2021)

ограничения. Многие ученые удивлены избранным законодателем решением, согласно которому цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. «Соответственно, закон должен не только специально назвать определенные права цифровыми, но прямо выделить признаки информационной системы, по правилам которой эти права признаются оборотоспособными» [Блажеев В.В., Егорова М.А., 2020: 266].

Автор настоящей статьи полагает, что правило ст. 141.1 ГК РФ рискует превратиться «в мертвую» или почти не используемую на практике норму. Отличительной чертой цифровых активов является их постоянное возникновение и совершенствование. В этом состоит и сущность цифровизации общества. У нас же, судя по логике ст. 141.1 ГК РФ, хотят «загнать» объекты цифрового права в рамки только прав, указанных в законе, что, как представляется, противоречит принципам и трендам цифровизации в мире.

Особенно обратим внимание на формулировку из п. 1 ст. 141.1 ГК РФ: «Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе *без обращения к третьему лицу* (курсив мой — А.В.)». Интересно, как следует толковать указанное правило применительно к завещательным распоряжениям. Допускается ли понимание, что в информационной системе без обращения к третьему лицу можно составить завещание по поводу цифровых прав? Скорее всего, на этот вопрос последует отрицательный ответ, ведь правила о завещании являются специальными применительно к другим сделкам.

С другой стороны, можно предположить и такое толкование п. 1 ст. 141.1 ГК РФ: раз завещание невозможно «только в информационной системе без обращения к третьему лицу», то и распоряжение цифровыми правами на случай смерти не допускается. Исходя из формальной логики, такое толкование правдоподобно. Остается только надеяться, что судебная практика не пойдет по этому пути, а будет рассматривать цифровые права как отдельный вид имущественных прав, которые входят в наследственную массу.

Среди авторов, изучающих цифровые права, Ю.С. Харитоновна склонна включать их наследственную массу, но полагает, что «переходу в порядке универсального правопреемства подлежат лишь оборотоспособные цифровые активы». Также исследовательница добавляет: «Возможности цифрового наследования по закону и завещанию ограничены в зависимости от объекта условиями договора и/или конституционным правом частных лиц на тайну частной жизни» [Харитоновна Ю.С., 2020: 5]. То есть в любом случае вопрос о включении/невключении конкретного цифрового актива в на-

следственную массу должен решаться индивидуально вне зависимости от избранной законодателем модели регулирования таких отношений.

Как видим, констатация факта, что цифровые права есть права имущественные, не привела к однозначному решению вопроса о включении их число объектов наследственного правопреемства. Видимо, без технических решений, подкрепленных законодательно установленными правилами, обойтись невозможно.

Трудно разделить оптимизм некоторых авторов, считающих, что отдельные проблемы в изучаемой сфере могут быть устранены уже сейчас. Утверждается, например, что можно получить информацию о существовании цифровых прав у наследодателя посредством изучения его электронной переписки, анализа банковских операций, записей в реестре прав, отражающих сделки с объектами, сертифицированными токенами и т.д. Но тут же признается, что пока невозможно обеспечить принудительный доступ к цифровому кошельку наследодателя, идентифицированному наследниками, в отсутствие кода [Bessarab N.S., 2020: 370].

Действия, связанные с изучением переписки, анализом банковских операций и др., непременно столкнутся со сложностями юридического (кто даст доступ к банковской тайне или электронной переписке?), фактического (сколько нужно наследнику совершить таких действий и будет ли от этого результат в виде «нахождения» цифрового актива?) и технического (чем пользоваться?) характера. Поэтому высока вероятность того, что если наследник не знал о цифровых правах наследодателя, а последний никак не сообщил о них в завещании, то шансов на переход их по наследству нет.

2.2. Криптовалюты

Биткоины, а затем другие криптовалюты наделали много шума в экономике в последнее десятилетие. Вряд ли сейчас наблюдается увеличение интереса к ним, однако по-прежнему значимость криптовалют в гражданском обороте (в том числе с точки зрения стоимости и рассмотрения в качестве денежного актива) велика.

Правовая характеристика криптовалюты — тоже объект дискуссий. Формально ее нельзя отнести к цифровым правам, но ученые рассматривают ее в качестве одного из объектов имущественных отношений: либо в качестве «иногo имущества» [Савельев А.И., 2017], перечень которого открыт, либо в качестве особого «цифрового имущества» [Ефимова Л.Г., 2019], которое должно быть закреплено в ГК РФ. В зарубежной литературе в целом также общепризнано, что отношения по поводу криптовалюты — имущественные [Low G., Tan T., 2020].

В России формального подтверждения этому нет. Хотя Верховный суд РФ фактически подтвердил, что отношения по поводу криптовалюты — за-

конные и имущественные. Так, по одному из дел сделан такой вывод: передав свое имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств, гражданин преследовал экономическую цель, заключив сделки по продаже криптовалюты. Таким образом, имелись правовые основания для получения денежных средств⁸. Следует вывод, что криптовалюта должна входить в наследственную массу, так как соответствует и критериям объекта наследственного правопреемства.

Вопросы возникают при обсуждении порядка перехода по наследству криптовалюты. Т.С. Яценко права в том, что «обеспечить принудительный доступ к выявленному наследниками цифровому кошельку наследодателя при отсутствии у них кода пока невозможно» [Яценко Т.С., 2019: 14]. При решении вопроса о включении криптовалютных активов в наследственную массу необходимо учитывать функциональные особенности криптовалют в целом и специфику конкретного вида криптовалют. Достоин обсуждения и подход, согласно которому наследование криптовалютных активов по закону технически невозможно из-за особенностей самого объекта [Omelchuk O., Piorol I., Snizhanna A., 2021: 103–122].

Действительно, использование криптовалюты происходит по правилам технической сети, где пользователь имеет уникальный логин, пароль (возможно, использует и иные способы идентификации, например, отпечаток пальца). По поводу цифровых активов нотариусы уже осознали, что «если наследодатель не сообщил своим наследникам логина и пароля, унаследовать права на страницу в соцсети или ценного персонажа сетевой игры вряд ли получится»⁹. С криптовалютой ситуация аналогичная.

Стоит отметить, что юристы уже выдвинули ряд рекомендаций, как поступать владельцам криптовалют, чтобы быть уверенным в их получении после их смерти другими лицами¹⁰. При этом данные рекомендации не в полной мере основаны на законе, ведь особого порядка совершения завещательных распоряжений по поводу криптовалюты нет. Как посмотрят на данные рекомендации в сфере нотариата и суда, прогнозировать невозможно.

Есть и научные подходы к тому, как должен быть осуществлен механизм перехода криптовалюты по наследству. Возможный порядок наследования криптовалют: ««классическое» завещание, использование системы отсроченного платежа (перевод всех криптоединиц предполагаемому наследнику в определенный срок)» [Довлатова А.М., 2020: 50]. Однако оба варианта

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 г. № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Available at: URL: Московские нотариусы разбирались как передать по наследству цифровые активы (notariat.ru) (дата обращения: 11.05.2021)

¹⁰ Available at: URL: Передача криптовалюты по наследству в России: что важно знать: РБК (rbc.ru) (дата обращения: 11.05.2021)

встречают практические неудобства. Составление «классического» завещания у нотариуса может вызвать затруднения при описании объекта наследственного правопреемства. Система же отсроченного платежа предопределяет необходимость активности лица, имеющего криптовалюту, постоянную перепроверку им данной функции.

Показательно, что Р.М. Янковский, который довольно подробно исследовал правовой режим криптовалют в России, пришел к неутешительному выводу: в нашей стране намечается тенденция к запрету на оборот криптовалют. Автор обращает внимание, что криптовалюта не включена формально в состав наследственной массы, но при этом отмечает, что «в ближайшее время регулятор обратится к установлению санкций за нарушения нового законодательства, определит обязанности и запреты в сфере выпуска и оборота криптовалюты» [Янковский Р.М., 2020: 43, 68]. У сказанного есть логика, ведь законодатель в последнее время все больше устанавливает запретов в отношении криптовалют. Субъективные права участников таких отношений уходят дальше от регулирования.

Что будет, если действительно оборот криптовалют в России будет запрещен? Тогда образуется интересная ситуация, связанная с коллизионно-правовым регулированием наследственных отношений по поводу такого объекта. Поскольку в некоторых странах оборот криптовалют разрешен и даже поощряется, не ясно, как будут защищены права наследников владельца криптовалюты, если правом, подлежащим применению к отношениям по наследованию, будет право Российской Федерации.

Как видим, в настоящий момент нет оснований для невключения криптовалюты в наследственную массу. Однако ее технические и экономические особенности приводят к тому, что процесс передачи в порядке наследственного правопреемства порой не затруднителен, но практически невозможен.

2.3. Аккаунты в социальных сетях

Изначально социальные сети использовались исключительно для личных целей (переписка, поиски друзей, распространение информации о себе). Сейчас аккаунты стали инструментом крупного бизнеса, позволяющим быстро и действенно продвигать товары, работы и услуги. Появилось мнение, что учетная запись социальной платформы никогда не может служить только индивидуальным целям. Она функционирует как элемент Сети, приносящей пользу всем ее пользователям путем обмена цифровым контентом. Другие авторы подвергают сказанное сомнению, указывая, что главная цель каждого аккаунта — удовлетворение потребностей как экономического, так и неэкономического характера [Grochowski M., 2019: 1198].

Есть различные подходы к правовой сущности аккаунта: база данных; запись на сервере собственника социальной сети; договор между пользо-

вателем и организатором сети; смешанная природа [Панарина М.М., 2018: 29–30]. Правда, имеются сомнения, что предложенные решения применимы ко всем ситуациям. Аккаунт в социальной сети может быть использован для разнообразных целей, одним человеком или несколькими лицами, иметь совершенно уникальный контент и т.п. Все это в совокупности должно влиять на правовую сущность и, как следствие, на права и обязанности участников отношений по поводу аккаунта. Например, название одного аккаунта может быть зарегистрировано в качестве товарного знака или знака обслуживания, а другого — нет. Другой пример: использование бизнес-аккаунта в целях приема в претензионном порядке жалоб потребителей. Интересно, что в одном из дел суд решил, что бизнес-аккаунт может быть частью договора купли-продажи бизнеса¹¹, т.е. фактически входит в состав предприятия по смыслу ГК РФ. То есть может быть и такой, оригинальный вариант рассматривания аккаунта.

В России нет норм о наследовании аккаунтов в социальных сетях. При этом ряд зарубежных исследователей полагает, что требуется в нормах законодательства прямо установить порядок их наследования. Утверждается, что хотя различные правовые источники на уровне Европейского союза определяют цифровые услуги и цифровой контент, единого определения все еще нет, и оно должно быть введено путем внесения поправок в европейские директивы.

Но даже здесь не все очевидно, ведь в Евросоюзе нет единого способа управления цифровым наследством, действуют особые правила некоторых стран (Эстония, Хорватия, Нидерланды, Польша, Италия). Правила эти различаются. Так, в Нидерландах признается, что цифровые права, в том числе права на аккаунты наследуются [Berlee A., 2017: 256–260]. В Хорватии теория и практика с сомнением относятся к данному вопросу [Vučković R., Kanceljak I., 2019: 724–746]. Довольно уникально регулирование Эстонии. Здесь по закону признается, что цифровые активы переходят по наследству. Даже личное имущество умершего передается наследнику после смерти, например, письма и дневники, электронные письма, личные сообщения в социальных сетях и социальных сетях при условии, что они хранятся на жестком диске или флешке [Kolk K.-A., 2020: 22].

Из судебной практики зарубежных стран знаменитым стало решение Верховного суда Германии, который признал право наследников на доступ к социальному аккаунту умершего. В решении 15.09.2020 данный Суд уточнил объем доступа к аккаунту умершего: родителям умершего должны быть предоставлены те же права доступа, что и первоначальному пользователю. Пред-

¹¹ См.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2020 № 88-18815/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ставители социальной сети предъявили флешку с PDF-документом, содержащим данные аккаунта. По мнению указанного Суда, этого недостаточно¹².

Таким образом, теоретически аккаунт в социальной сети должен входить в наследственную массу, если доказана его экономическая сущность (например, использование для предпринимательских целей). Вместе с тем, порядок его передачи с позиции законодательства малопонятен.

3. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства: перспективы развития законодательства

Исследование перспектив включения некоторых объектов, существующих в цифровой форме, в наследственную массу приводит практически во всех случаях к схожим результатам.

Во-первых, все изученные цифровые активы и иные объекты соответствуют признакам объектов наследственного правопреемства. Так, криптовалюты (равно как и цифровые права или бизнес-аккаунты в социальной сети) принадлежат возможному наследодателю на момент открытия наследства; у них отсутствует связь с личностью потенциального наследодателя (за исключением некоторых отдельных аспектов, связанных с особенностью объекта, например, личная переписка в аккаунте). Более того, переход по наследству таких прав и объектов прямо не запрещен законом (по крайней мере, пока).

Во-вторых, не всегда легко оценить стоимость такого объекта. Данный критерий не должен играть решающей роли при включении прав и обязанностей в наследственную массу, но может вызывать проблемы при распределении наследства, например, при расчете обязательной доли в наследстве. При этом механизмы расчета стоимости, например, аккаунта в компьютерной игре, возможны, поскольку так или иначе на рынке на них формируется спрос и предложение.

В-третьих, «цифровые объекты» характеризуются сложностью, а зачастую невозможностью доступа посторонних лиц. Иногда доступ возможен только после судебного решения (например, немецкое дело по Facebook), но при отсутствии кода или пароля совершенно нет механизма использования объекта (криптовалюта). В такой ситуации без специального распоряжения наследодателя переход «цифрового объекта» к наследнику на практике невозможен.

¹² Germany: Federal Court of Justice Clarifies Scope of Postmortem Access to Social Media Accounts. Available at: <https://www.loc.gov/law/foreign-news/article/germany-federal-court-of-justice-clarifies-scope-of-postmortem-access-to-social-media-accounts/> (дата обращения: 25.03.2021)

В-четвертых, «цифровые объекты» характеризуются сложностью передачи от наследодателя к наследнику даже в случае наличия воли обоих. Технически предусмотреть такие способы передачи возможно, но проблема в том, насколько они будут допустимы по закону.

В-пятых, возможна ситуация, при которой никто, кроме наследодателя, не знает о существовании «цифрового объекта». Если наследодатель самостоятельно (в том числе под «тайным» именем) пользовался бизнес-аккаунтом или осуществлял транзакции с криптовалютой, то велика вероятность, что наследники такого гражданина никогда не узнают о таком наследстве.

В связи со сказанным возможны следующие законодательные решения, выбор которого зависит от государственной политики в сфере цифровой экономики.

Первый вариант: полный запрет на наследование «цифровых» активов, что противоречило бы тенденциям цифрового развития экономики в мире, но решило бы многие проблемы в этой сфере (например, проблему трудности передачи цифровых активов наследникам). Теоретических оснований для такого решения не имеется, хотя иногда утверждают, что все «цифровые объекты» связаны с личностью наследодателя. Этот подход очень спорный, но возможный, если допустить, что коды или пароли настолько идентифицируют личность, что подразумевают личную связь субъекта с объектом.

Второй вариант: создание отдельного правового регулирования наследственных отношений специально под цифровые активы. Например, необходимо предусмотреть возможность составления особого «завещания» (в рамках информационной системы, социальной сети и т.п.) или особого порядка перехода прав и обязанностей только по правилам технической сети, а не по процедурам, предусмотренным ГК РФ. Подобный вариант заманчив, но его реализация посягает на фундаментальные принципы наследственного права. Кроме того, это решение ограничивает возможности нотариата участвовать в наследственных процедурах, а нотариат России является фактическим монополистом в сфере оформления наследственных прав. Насколько к этому готово государство — большой вопрос.

Третий вариант: допустить включение в наследственную массу «цифрового объекта» только если его реально возможно ввести в оборот. Например, если утрачен (специально не передан наследодателем) ключ (пароль) от криптовалюты, то она не может быть передана наследникам. Следовательно, в этой ситуации криптовалюта не будет рассмотрена в качестве элемента наследственной массы. Данное решение обосновано с практической точки зрения, но существенно ограничивает права наследников (скажем, на все свои сбережения наследодатель приобрел криптовалюту, но пароля никому не сообщил). Видимо, такой вариант может быть правильным в «переходный» период, пока право и экономика разбираются в отношениях по поводу цифровых объектов.

Четвертый вариант: законодательно допустить некоторые особенности наследования «цифровых объектов» (например, возможность составления «завещания» по правилам технических систем — в частности, «завещание» на страницу «ВКонтакте» с последующим дублированием у нотариуса), но общие правила о наследовании оставить существующими. Подобный вариант является ныне компромиссным.

За рубежом предлагают некоторые законодательные решения, частично пересекающиеся с описанным выше. Отмечается, что внедрение института электронного завещания и расширение режима закрытого завещания являются перспективными направлениями научной и законодательной работы, ведь пользователь должен иметь возможность самостоятельно решать судьбу собственных активов в виртуальном пространстве.

Далее выделяются способы наследования криптовалютных активов: традиционные, технологические и смешанные. Традиционные методы включают использование «классического» (традиционного) завещания или завещания закрытого типа. Технологические способы: система отсроченных платежей, встроенных в клиентские программы крипто-кошелька; использование специально созданных интернет-ресурсов для наследования цифровых активов; отсроченные системы доступа к кошелькам. Смешанные методы включают наследование крипто-кошельков в бумажной и аппаратной формах [Saleh A.J., Alazzam F.A.F. et al., 2020: 235, 245].

Автор настоящих строк полагает, что в России перспективным может быть только смешанный метод. Традиционный подход не учитывает технологических особенностей «цифровых» объектов и приведет к тому, что субъекты будут искать механизмы «ухода» от законодательства в «серые» схемы, попытки любым способом обойти наследственное право.

Технологические методы возможны только при официально признанном отходе от основных принципов наследственного права (например, защита прав обязательных наследников). Кроме того, такие методы создадут дополнительные возможности уклонения от налогов и/или утечки капитала в другие страны. Так или иначе подобные методы вряд ли будут санкционированы государством в нашей стране.

Смешанные методы, в свою очередь, позволят найти баланс, «включить» в работу по передаче «цифровых объектов» нотариусов и позволят обеспечить права наследников.

Законодательное решение проблемы наследственного правопреемства «цифровых» объектов должно также найти баланс между правами наследника и нормами о защите персональных данных. В доктрине правильно сделан следующий акцент: в большинстве случаев предоставление права на неконтролируемый доступ к объектам, существующим в цифровой форме, даже к назначенному лицу или его наследникам, может столкнуться с пра-

вом на неприкосновенность частной жизни, защиту личных данных и тайну переписки [Crespo M.O., 2019: 101]. Возможное решение: если наследодатель указал лицо в качестве наследника, рассматривать подобное волеизъявление, в том числе и на доступ ко всем личным данным.

Еще один момент, на который стоит обратить внимание законодателю: объекты «цифрового» мира должны быть разделены, порядок их наследования должен быть различным. Например, бизнес-аккаунты и «обычные» аккаунты должны наследоваться по-разному. В каждом случае следует выяснять, не связан ли объект с личностью наследодателя. Возможно, он вообще не должен входить в наследственную массу.

Таким образом, перспективы развития законодательства России в сфере определения объектов наследственного правопреемства применительно к объектам в цифровой форме имеются. Следует принимать во внимание особенности таких объектов, но в любом случае законодателю необходимо выбирать вариант регулирования, основываясь прежде всего на политике в сфере регулирования цифровой экономики.

В завершение нельзя не отметить опыт Испании в вопросе регулирования отношений по наследственному правопреемству «цифровых» объектов. В данной стране была сделана попытка упорядочить данные отношения. Однако испанский законодатель, не предлагая технических решений, создал запутанные и хаотичные правила, которые помимо похвальной педагогической функции привели к еще большим сложностям [Crespo M.O., 2019: 129]. Уже каталонский Закон 2017 года предусматривает возможность назначения «цифрового исполнителя» для действий перед поставщиками цифровых услуг, с которыми наследодатель имел активные учетные записи [Molins M., 2020: 908]. Нельзя не отметить разницу в подходах законодателя Испании и Каталонии. Но наиболее важно другое: для того, чтобы законы в данной сфере работали, они должны учитывать технические особенности «цифрового» наследства, а также строиться на единой понятной концепции. Именно это и рекомендуется сделать российскому законодателю.

Заключение

Наследственное право России (законодательство и практика) выступает сейчас чуть ли не как последний солдат, сопротивляющийся цифровизации. Действительно, в перечень объектов гражданских прав прямо включены цифровые права; в сфере корпоративных отношений уже несколько лет голосование идет на блокчейне; договоры и интеллектуальная собственность уже давно обсуждают через идею цифровизации... В практике наследования проблемы только возникают и будет неплохо, если теория и законодательство будут к этому готовы.

Возможны следующие законодательные решения, выбор которых сильно зависит от государственной политики в сфере цифровой экономики: установление полного запрета на наследование «цифровых» активов; создание отдельного правового регулирования наследственных отношений специально под цифровые активы; допущение включения в наследственную массу «цифрового объекта» только если его возможно ввести в оборот; допущение особенностей наследования «цифровых объектов».

Вместе с тем правовое регулирование «цифровых» наследственных отношений в России может быть основано только на смешанном методе, включающем совокупность традиционных и технологических методов. Такой метод наиболее коррелирует с допущением факта включения в наследственную массу «цифрового объекта» только если его возможно ввести в оборот.

Традиционный подход не учитывает технологических особенностей «цифровых» объектов и приведет к тому, что субъекты будут искать механизмы ухода в «серые» схемы, попытки любым способом обойти наследственное право. Технологические методы возможны только при официально признанном отходе от основных принципов наследственного права (например, защита прав обязательных наследников). Кроме того, такие методы создадут дополнительные возможности уклонения от налогов и/или утечки капитала в другие страны.

В любом случае следует на законодательном уровне установить возможность для некоторых объектов (перечисленных в законе) перехода по наследству не в соответствии с правилами законодательства, а в соответствии с правилами технической системы (в том числе социальная сеть, компьютерная игра). Это позволит гарантировать переход по наследству цифровых объектов, в частности, криптовалюты и при этом позволит гражданам совершить в самой технической системе распоряжение на случай смерти. Тем самым будут в наиболее полной мере гарантированы принципы свободы завещания и наследственного правопреемства.

Список источников

1. Блажеев В.В., Егорова М.А. (общ. ред.) Цифровое право. М.: Проспект, 2020. 640 с.
2. Довлатова А.М. Зарубежный опыт наследования криптовалют как инструмента реализации права на наследование в социуме // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2020. № 2. С. 47–51.
3. Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.
4. Ефимова Л.Г., Михеева И.В., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.

5. Панарина М.М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // *Наследственное право*. 2018. № 3. С. 29–30.
6. Петров Е.Ю. (отв. ред.) *Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации*. М.: М-Логос, 2018. 656 с.
7. Петров Е.Ю. (отв. ред.) *Основы наследственного права России, Германии, Франции*. М.: Статут, 2015. 271 с.
8. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136–153.
9. Серебровский В.И. *Избранные труды по наследственному и страховому праву*. М.: Статут, 2003. 558 с.
10. Харитоновна Ю.С. Наследование цифровых активов // *Нотариальный вестник*. 2020. № 1. С. 5–16.
11. Янковский Р.М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4. С. 43–77.
12. Яценко Т.С. Наследование цифровых прав // *Наследственное право*. 2019. № 2. С. 11–14.
13. Berlee A. Digital Inheritance in the Netherlands. *Journal of European Consumer and Market Law*, 2017, no. 6, pp. 256–260.
14. Bessarab N.S. Digital Right in the Field of Inheritance. *Advances in Economics, Business and Management Research*, 2020, vol. 138, pp. 366–370.
15. Chen C.-L., Lin C.-Y. et al. A Traceable Online Will System Based on Blockchain and Smart Contract Technology. *Symmetry*, 2021, vol. 13, no. 466. 19 p.
16. Crespo M.O. La Sucesion en los “Bienes Digitales”. *La Respuesta Plurilegislativa Espanola, Revista de Derecho Civil*, 2019, vol. VI, no. 4, pp. 89–133.
17. Grochowksi M. Inheritance of the Social Media Accounts in Poland. *European Review of Private Law*, 2019, no. 5, pp. 1195–1206.
18. Kolk K.-A. Digital inheritance in the European Union. Bachelor’s thesis. Tallinn: University of Technology, 2020. 36 p.
19. Low G., Tan T. Cryptocurrency — Is It a Property? *Journal of Investment Compliance*, 2020, vol. 21, no. 2/3, pp. 175–179.
20. Molins M. Voluntades Digitales en Caso de Muerte. *Cuadernos de Derecho Transnacional*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 908–929.
21. Omelchuk O., Iliopol I., Snizhanna A. Features of Inheritance of Cryptocurrency Assets. *Ius Humani Law Journal*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 103–122.
22. Saleh A.J., Alazzam F.A.F. et al. Legal aspects of the management of cryptocurrency assets in the national security system. *Journal of Security and Sustainability*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 235–247.
23. Vučković R., Kanceljak I. Does the right to use digital content affect our digital inheritance? EU and comparative law issues and challenges series, 2019, no. 3, pp. 724–746.

References

1. Berlee A. (2017) Digital Inheritance in the Netherlands. *Journal of European Consumer and Market Law*, no. 6, pp. 256–260.
2. Bessarab N.S. (2020) Digital Right in the Field of Inheritance. *Advances in Economics, Business and Management Research*, vol. 138, pp. 366–370.

3. Chen C.-L., Lin C.-Y. et al. (2021) A Traceable Online Will System Based on Blockchain and Smart Contract Technology. *Symmetry*, vol. 13, no. 466. 19 pp.
4. Crespo M.O. (2019) La Sucesion en los “Bienes Digitales”. La Respuesta Plurilegislativa Espanola. *Revista de Derecho Civil*, vol. VI, no. 4, pp. 89–133 (in Spanish)
5. Digital Law (2020) V.V. Blazheeva, M.A. Egorova (eds.) Moscow: Prospect, 640 pp. (in Russ.)
6. Dovatova A.M. (2020) Foreign experience of inheritance of cryptocurrencies as a tool for the realization of the right to inheritance in society. *Vestnik Yuzho-Rossiyskogogosudarstvennogo technicheskogo universiteta*=Bulletin of Southern Russian State Technical University, no. 2, pp. 47–51 (in Russ.)
7. Efimova L.G. (2019) Cryptocurrencies as an object of civil law. *Hozyajstvo i pravo* = Economy and Law, no. 4, pp. 17–25 (in Russ.)
8. Efimova L.G., Mikheeva I.V., Chub D.V. (2020) Comparative Analysis of Doctrinal Concepts of Legal Regulating Smart Contracts in Russia and Foreign States. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 13, no. 4, pp. 78–105 (in Russ.)
9. Fundamentals of inheritance law of Russia, Germany, France (2015) E. Yu. Petrov (ed.). Moscow: Statut, 271 pp. (in Russ.)
10. Grochowski M. (2019) Inheritance of the Social Media Accounts in Poland. *European Review of Private Law*, no 5, pp. 1195–1206.
11. Inheritance Law (2018) Commentary on Articles 1110-1185, 1224 of the Russian Civil Code. E. Yu. Petrov (ed.). Moscow: M-Logos, 656 pp. (in Russ.)
12. Kharitonova Yu. S. (2020) Inheritance of digital assets. *Notarial'nyj vestnik* = Notary Bulletin, no. 1, pp. 5–16 (in Russ.)
13. Kolk K.-A. (2020) Digital inheritance in the European Union. Bachelor's thesis. Tallinn, 36 pp.
14. Low G., Tan T. (2020) Cryptocurrency — Is It Property? *Journal of Investment Compliance*, vol. 21, no. 2/3, pp. 175–179.
15. Molins M. (2020) Voluntades Digitales en Caso de Muerte. *Cuadernos de Derecho Transnacional*, vol. 12, no. 1, pp. 908–929 (in Spanish)
16. Omelchuk O., Iliopol I., Snizhanna A. (2021) Features of Inheritance of Cryptocurrency Assets. *Ius Humani Law Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 103–122.
17. Panarina M.M. (2018) Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance. *Nasledstvennoe pravo*= Inheritance law, no. 3, pp. 29-30 (in Russ.)
18. Saleh A.J., Alazzam F.A.F. et al. (2020) Legal aspects of the management of cryptocurrency assets in the national security system. *Journal of Security and Sustainability*, vol.10, no. 1, pp. 235–247.
19. Serebrovsky V.I. (2003) Selected works on inheritance and insurance law. Moscow: Statute, 558 pp. (in Russ.).
20. Savelyev A.I. (2017) Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights. *Zakon* = Law, no. 8, pp. 136–153 (in Russ.).
21. Vučković R., Kanceljak I. (2019) Does the right to use digital content affect our digital inheritance? EU and comparative law issues and challenges series, no. 3, pp. 724–746.
22. Yankovskiy R.M. (2020) Cryptovalues in the Russian Law: Surrogates, «Other Property» and Digital Money. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, vol. 13, no. 4, pp. 43–77 (in Russ.)

23. Yatsenko T.S. (2019) Inheritance of digital rights. *Nasledstvennoe pravo*= Inheritance Law, no. 2, pp. 11–14 (in Russ.)

Информация об авторе:

А.А. Волос — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about the author:

A.A. Volos — Candidate of Science (Law), Associate Professor, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 17.07.2022.

The article was submitted to the editorial office 20.06.2022; approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 17.07.2022.